

В. В. ЛОПАТИН

# ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ИНТЕРФИКСАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В ряде работ последнего времени, прежде всего в работах Е. А. Земской, развивается понятие «интерфикса» как асемантической (незначимой) «прокладки» между морфемами<sup>1</sup>. По поводу этой концепции, имеющей как своих сторонников<sup>2</sup>, так и противников, написано уже немало. Хотелось бы обратить внимание на некоторые вопросы морфемной структуры слова, возникающие в связи с этой концепцией.

Исходный пункт ее — понимание морфемы как части слова, наделенной значением, семантической функцией. С таким подходом к морфеме нельзя не согласиться. А. Н. Тихонов справедливо подчеркивает, что при допущении существования «асемантических морфем», обладающих только «структурной функцией», «расщепляется понятие морфемы, ... границы морфемы становятся неопределенными и расплывчатыми. Практически, следуя этой формулировке, к морфемам можно относить любые части слова»<sup>3</sup>. Однако из такого правильного подхода к морфеме, с нашей точки зрения, вовсе не обязательно должно вытекать выделение асемантических внеморфемных «прокладок».

Е. А. Земская развивает концепцию «интерфиксов» главным образом на материале «прокладок» между корнем и суффиксом в структуре производных слов (например, отрезков *-ов-*, *-ин-*, *-ан-* и др. перед суффиксом *-ск-* в прилагательных). Отрезки эти, действительно, сами по себе не имеют особого значения (ср., например, *Ленинград* — *ленинградский* и *Ялта* — *ялтинский*, *Орел* — *орловский*, *Африка* — *африканский*): они ничего не добавляют к тому словообразовательному значению, которое выражено в прилагательных, не имеющих перед суффиксом *-ск-* этих отрезков. А. А. Дементьев попытался доказать, что эти отрезки все же наделены значением: будучи «дополнительными выразителями категории отношения», они являются «самостоятельными суффиксами»<sup>4</sup>. Это едва ли верно. В лучшем случае о таких элементах можно говорить как об усилителях выражения относительного значения (см. ниже), но не как о самостоятельных выразителях этого значения. Усматриваемая А. А. Дементьевым для

<sup>1</sup> Наиболее обстоятельно эта концепция изложена в кн.: Е. А. Земская, Современный русский язык. Словообразование, М., 1973 (далее постраничные ссылки приводятся в тексте).

<sup>2</sup> Другие авторы называют подобные элементы слова «структемами» (см.: А. Н. Тихонов, Морфема как значимая часть слова, ФН, 1971, 6), «асемантемами» (см.: В. С. Гимпелевич, Асемантемы как незначимые структурные элементы слов, сб. «Актуальные проблемы русского словообразования», I, Самарканд, 1972). В чешской лингвистической литературе в настоящее время также обсуждается вопрос о подобных «связочных морфемах» («конекторах») и о возможности отнесения их к морфемам или к «полуморфемам» [см.: Vědecká synchronní mluvnická spisovná češtinu (Základní konference a problémy), Praha, 1974, стр. 80].

<sup>3</sup> А. Н. Тихонов, указ. соч., стр. 47.

<sup>4</sup> А. А. Дементьев. О так называемых «интерфиксах» в русском языке, ВЯ, 1974, 4, стр. 119.

элементов *-ов-* и *-ин-* «словообразовательная соотносительность с суффиксами притяжательных прилагательных»<sup>5</sup> (по крайней мере семантическая) в современном языке отсутствует, соотносительность же этих элементов с основами существительных (соответственно) склонения на согласный и склонения на *-а* строго не выдерживается: ср., например, *Массандра* — *массандровский*, *«Аврора»* (крейсер) — *аворовский*, *«Искра»* (газета) — *искровский*, *«Светлана»* (производственное объединение в Ленинграде) — *светлановский*, *Глинка* — *глинковский* (наряду с *глинкинский*) и т. п., так что следует говорить о зависимости распределения данных элементов не только от грамматического характера основ, но и от семантики последних (элемент *-ов-* сочетается, кроме основ топонимов и антропонимов, еще и с основами названий учреждений, предприятий, обществ, газет и т. п.).

Главный (и по существу единственный) аргумент, выдвигаемый Е. А. Земской в пользу выделения незначимых «прокладок» — «интерфиксов» типа *-ов-*, *-ин-* и противопоставляемый концепции так называемых «производных суффиксов» (т. е. выделению суффиксов или суффиксальных морфов *-овск-*, *-инск-* и т. п.), таков: поскольку словообразовательное значение прилагательных с отрезками *-ск-*, *-овск-*, *-инск-* и т. п. одинаково и, следовательно, «часть *ск...* сама по себе, без добавления *к* *а* *к* *и* *х* *л* *и* *б* *о* *э* *л* *е* *м* *е* *н* *т* *о* *в* выражает деривационное значение „относящийся к тому, что названо производящей основой“» (стр. 118), постольку лишь отрезок *-ск-* и является носителем этого значения, т. е. суффиксом (см. также стр. 116). Это подкрепляется следующим пониманием морфемы: «Морфема — значимая часть слова, необходимая и достаточная для выражения данного значения», вследствие чего «части слова, не служащие для выражения значения, морфемами не являются» (стр. 3).

Итак, выдвинут критерий «необходимости и достаточности» морфемы для выражения определенного значения, и критерий этот кладется в основу морфемной сегментации слов. Если некоторый отрезок (сегмент) в словоформе не несет какого-либо особого значения, то он как лишний, избыточный исключается из состава морфов данной словоформы.

Вопрос о незначимых внеморфемных сегментах упирается, таким образом, в следующий общий вопрос: имеют ли право на существование семантически тождественные морфы<sup>6</sup>, из которых один составляет часть другого, будучи короче его на какой-либо сегмент (и, следовательно, различающиеся не суперсегментными средствами, например чередованием, а сегментными)? Придерживаясь критерия «необходимости и достаточности», мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Но насколько оправдан этот критерий? Существуют ли методологические или иные общие соображения, исследовательские принципы, на основании которых следует отвергать возможность сегментных различий между семантически тождественными морфами? Таких соображений, по-видимому, нет, а значит, нет и необходимости отделять «избыточные» сегменты от соседних морфов, считая эти сегменты внеморфемными отрезками<sup>7</sup>.

Стоит обратить внимание на тот факт, что линейные единицы других уровней — звуки («фоны»), словоформы, высказывания — вычлениаются нами в потоке речи (по крайней мере в «нормальных», экспрессивно не деформированных, логизированных текстах) без остатка; отсюда естественно сделать вывод, что и морфемные сегменты (морфы) должны вычле-

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Как правило, такие морфы репрезентируют одну и ту же морфему.

<sup>7</sup> Ср. также замечание Г. А. Климова о том, что «введенное Ч. Хоккетом понятие так называемых пустых морф... искусственно, поскольку всегда имеется практическая возможность их включения в состав соседних морфемных сегментов» (Г. А. Климов, Фонема и морфема, М., 1967, стр. 32).

няться в потоке речи также без остатка. Уместно вспомнить в этой связи подход А. М. Пешковского к проблеме отдельности слова: если *-те* в *пойдемте* не слово, а часть слова, то и *пойдем-* — не слово<sup>8</sup>. Ср. также: «если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) также есть часть слова»<sup>9</sup>.

Принципиальная возможность сегментных различий между семантически тождественными морфами не противоречит пониманию морфемы как минимальной значимой части слова (в каждой конкретной словоформе любой из выделяемых морфов является действительно минимальным значимым сегментом), но ставит под сомнение целесообразность понимания морфемы как «части слова, необходимой и достаточной для выражения данного значения».

II. Последовательное применение ко всему языковому материалу критерия «необходимости и достаточности» ставит исследователя не только перед теоретическими, но и перед чисто практическими трудностями, связанными с тем, что границы явления интерфиксации не очень ясны.

1. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сторонники теории интерфиксации строят ее на ограниченном материале. Так, в работах Е. А. Земской эта концепция основана исключительно на выделении интерфиксов в составе производных слов; интерфиксы выступают здесь как особые строевые элементы производного слова. Однако нет никаких препятствий для того, чтобы видеть интерфиксацию (так же, как и чередование и другие морфонологические явления) и в формах словоизменения<sup>10</sup>. Такое применение этого понятия мы встречаем в работах М. В. Панова — также сторонника теории интерфиксации. М. В. Панов относит к интерфиксам такие элементы структуры слова, как тематические гласные глагольных основ: *из-мен-(и)-ть*, *вз-лет-(е)-ть*<sup>11</sup>, согласные типа *-j-* в основах настоящего времени глаголов (например, *игр-а-j-ут*)<sup>12</sup>, *-в-* в действительных причастиях прошедшего времени (ср. *увяд-ш-ий* и *укра-в-ш-ий*), гласный *-о-* в страдательных причастиях прошедшего времени (ср. *реш-ё-нн-ый* и *написа-нн-ый*)<sup>13</sup>.

Тот же критерий «необходимости и достаточности» можно было бы применять и к структуре основ всех тех слов, в составе которых некоторые отрезки вычлениются не на семантических основаниях, а только по соотносительности с мотивированными ими словами. С точки зрения этого критерия следует считать интерфиксами отсекаемые (отсутствующие в составе мотивированных слов) отрезки основ мотивирующих слов, не являющиеся словообразовательными суффиксами. Такого рода «интерфиксы» выделяются уже не перед словообразовательным суффиксом, а перед флексией или даже в конце неизменяемых слов. Например, отрезки *-к-* в словах *скрипка* (ср. *скрипач*), *утка* (ср. *утенок*, *утиный*), *-н-* в *банальный* (ср. *банальщина*), *-о* в *соло* (ср. *солный*, *солист*, *солировать*) следовало бы считать интерфиксами<sup>14</sup>, а корнями (отрезками, достаточными для

<sup>8</sup> См.: А. М. Пешковский, Понятие отдельного слова, в его кн.: «Сборник статей», Л.—М., 1925, стр. 126.

<sup>9</sup> А. И. Смирницкий, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова») в кн.: «Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 192—193.

<sup>10</sup> Хотя Е. А. Земская и подчеркивает, что «интерфикс — принадлежность слова, а не словоформы» (стр. 131).

<sup>11</sup> См.: «Русский язык и советское общество. Проспект», Алма-Ата, 1962, стр. 36. Позднее, в работе «Русский язык» (см. в кн.: «Языки народов СССР», I, М., 1966, стр. 85), М. В. Панов пересмотрел свою точку зрения на подобные гласные глагольных основ, признав их «суффиксами (дериваторами) с общим значением процессуальности».

<sup>12</sup> См.: «Языки народов СССР», I, стр. 86.

<sup>13</sup> Там же, стр. 84.

<sup>14</sup> О статусе таких отрезков см.: В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, Несколько спорных вопросов русской словообразовательной морфонологии, ВЯ, 1974, 3.

выражения данных корневых значений) — соответственно *скрип-*, *ут-*, *банал'-*, *сол-*.

Аналогичное положение находим при отсечении части словообразовательного суффикса, содержащегося в мотивирующем слове: ср., например, *мальчишка* — *мальчишеский*, *переводчик* — *переводческий*, *правление* — *правленский*, *снабжение* — *снабженец*. В таких случаях оказывается, что для выражения определенного значения<sup>15</sup> достаточны морфы *-иш-*, *-ч-*, *-ен'* и, следовательно, отрезки *-к-*, *-ик-*, *-иј-* суффиксальных морфов *-ишк-*, *-чик-*, *-ениј-* — неморфемные «прокладки», интерфиксы. Ср. также мысль Г. О. Винокура о наличии в образованиях типа *просвещение* — *просвещенец*, *поражение* — *пораженец* «конечной вариации» суффикса *-ениј-* — *-ен-*<sup>16</sup>.

2. Применение критерия «необходимости и достаточности» к более широкому, чем это обычно делается, материалу обязывает к вычленению «асемантических» отрезков, подобных интерфиксам, не только между морфемами, но и в абсолютном начале и конце словоформ, т. е. там, где к этим отрезкам уже невозможно применить термин «интерфикс», где их трудно назвать «связочными». Так, конечную гласную *а* в словоформе *мылся*, *и* в *ползти*, конечное *э* в *милее* и т. п. следует тогда отделять от конечной морфемы и считать асемантическим элементом (ср. *мысль*, *лезть*, *милей* и т. п., где те же конечные морфемы «обходятся» без конечной гласной); вряд ли можно интерпретировать подобные морфемные видоизменения как чередование гласного с нулем. То же относится к конечным гласным неизменяемых слов типа *соло*.

Еще пример. В отглагольных именах нередко встречаются префиксоподобные отрезки, отсутствующие в мотивирующих глаголах, причем этим отрезкам трудно приписать какое-либо значение. Ср., например: *бежать* — *побег*, *искать* — *поиск* и *поиски*, *течь* — *поток*, *возить* — *повозка*, *водить* — *поводырь*, *плавать* — *поплавок*, *двигать(ся)* — *подвижный*, *хотеть* — *охота* («желание»), *пáхнуть* — *запах*, *силитьсá* — *усилие*, *жечь* — *изжога*. Если в языке и имеются соответствующие префиксальные однокоренные глаголы, то они не соотносительны с подобными отглагольными именами по значению префикса (ср., например, *повозка* и *повозить* со значением ограниченного во времени действия). Начальные отрезки таких отглагольных образований могут рассматриваться, подобно «интерфиксам», как асемантические элементы слова, поскольку для выражения тех же словообразовательных значений достаточен только соответствующий суффикс — материально выраженный или нулевой (ср. «обычные» *nomina actionis*, *agentis* и т. д.).

3. Интерфиксацию не удается строго отграничить от чередования, прежде всего от чередования гласного с нулем в начале или на конце морфемы; ср., например, морфы *-ск-* и *-еск-* (*соседский* и *товарищеский*), *-ств(о)* и *-еств(о)* (*богатство* и *роскошество*), *раз-* и *разо-*, *от-* и *ото-* и т. п. (*от-*

<sup>15</sup> Не можем согласиться с той точкой зрения, что словообразовательные морфемы, не входящие в структуру мотивированного слова в состав форманта (т. е. характерные уже для мотивирующего слова), лишены в данном мотивированном слове своего значения (см.: Н. А. Я п к о т р и н и ц к а я, Словообразовательная структура и морфемный состав слова, сб. «Актуальные проблемы русского словообразования», I). Словообразовательная структура слова не сводится к соотношению форманта и мотивирующей основы, а отражает всю его, в ряде случаев многоступенчатую, «деривационную историю». Весьма часто это находит непосредственное отражение и в лексической семантике слова: очевидно, например, что в семантическую структуру слова *мальчишеский* (а через него и слова *мальчишество*) входит элемент, вносимый суффиксом *-ишк-* в слово *мальчишка*.

<sup>16</sup> См.: Г. О. В и н о к у р, Заметки по русскому словообразованию, в его кн.: «Избр. работы по русскому языку», М., 1959, стр. 431.

бросить и отобрать), де- и дез- (демилитаризация и дезорганизация), суффиксы -ок и -ец с беглым гласным и т. д. Естественно, что с точки зрения критерия «необходимости и достаточности» любой гласный, появляющийся в одном морфеме и отсутствующий в другом, оказывается лишним для выражения определенного значения. Ср. еще чередования типа *п — пл'*, *м — мл'*, где *л'* — тоже «лишний» сегмент одного из морфем.

Е. А. Земская делает попытку провести границу между чередованиями и интерфиксацией по линии «регулярность — нерегулярность»: «интерфиксация — типизированное, но не всегда регулярное явление» (стр. 120). Но то же самое можно сказать и о чередованиях: они в ряде случаев, как показано и в книге Е. А. Земской, «расшатаны», регулярность их в определенной морфологической позиции не абсолютна. Так, в сфере образований с суффиксом -ск- чередования заднеязычных с шипящими обнаруживаются далеко не всегда (см. стр. 132); нерегулярный характер носят чередования «йотационного» ряда перед суффиксами -ак, -анин (ср. *киевлянин — варшавянин* и т. п., стр. 89). Можно добавить, что и морфонологическое правило, обуславливающее беглость гласного в суффиксе -ок там, где перед ним нет стечения согласных (см. стр. 130), на самом деле проявляется не столь строго: небеглое *о* есть не только в словах *челнок, игрок* и т. п., но и в *ходок, седок, едок* и др. Подобные примеры можно продолжать. Гласный *е* перед суффиксами -ск- и -сте(о) Е. А. Земская склонна отнести, ввиду наметившейся нерегулярности его появления, к интерфиксам (см. стр. 133); но чем это явление принципиально отличается от «расшатывающихся» чередований (ср. уже упомянутое чередование заднеязычных с шипящими)? Сама Е. А. Земская признает, что некоторые из «беглых гласных в суффиксах и приставках» «по условиям употребления близки интерфиксам» (стр. 130).

4. При анализе явлений стыка корня с суффиксом, наиболее часто рассматриваемых как интерфиксация, в ряде случаев возникают серьезные препятствия к применению понятия интерфикса. Так, в глаголах с суффиксом имперфективации или многократности -ива-/ва-/а- (ср., например, *перегораж-ива-ть, разду-ва-ть, очищ-а-ть* и т. п.) с точки зрения критерия «необходимости и достаточности» следует считать морфемой, несущей значение несовершенного вида или многократности, общий для всех этих глаголов отрезок -а-; тогда -в- в *раздувать* — интерфикс, как и -ив- в *перегораживать* (впрочем здесь возможно выделение двух интерфиксов: -и-, -в-). Однако даже сторонники теории интерфиксации (см., например, стр. 18 книги Е. А. Земской) не выделяют в таких глаголах интерфикса и видят в них суффикс -ива- со значением несовершенного вида. Аналогичным образом в отглагольных существительных среднего рода с суффиксальными морфемами -ниј-, -ениј-, -тиј- (*наказа-ниј-е, кур-ениј-е, сжа-тиј-е*) следовало бы выделять интерфиксы -н'-, -ен'-, -т'-, поскольку имеется группа существительных того же словообразовательного значения с суффиксом -иј-, который как будто «необходим и достаточен» для выражения данного значения: ср. *доверие, насилие, странствие, отсутствие* и др. А в отглагольных существительных с суффиксом -ациј-, -циј- типа *деградациј-а* или *абстрак-циј-а* можно выделять интерфиксы -ац- и -ц- при суффиксе -иј- (ср. *ревизия, репрессия, коррекция* и т. п. с морфом -иј-) <sup>17</sup>.

Что же препятствует применению понятия интерфикса к подобным фактам? Очевидно, прежде всего то обстоятельство, что наиболее длинные из сопоставляемых в этих случаях суффиксальных морфем (-ива-; -ниј- и

<sup>17</sup> Е. А. Земская не выделяет также интерфиксов -из-, -ир- в отыменных глаголах на -ировать, -изировать, -изовать (ср. тождественные им по словообразовательному значению глаголы с суффиксом -ова-).

-ениј-; -ациј-) являются (по сравнению с другими, короткими суффиксальными морфами, выражающими те же значения) наиболее употребительными и продуктивными. При этом несущественно, являются ли сопоставляемые более короткие суффиксальные морфы системно непродуктивными [как морфы -иј(а), -иј(е)] или только ограниченными в употреблении из-за ограниченности списка корней необходимой для них морфонологической структуры, например односложных корней на гласную [для морфов -ва-, -тиј(е)]. Важно, что соответствующие словообразовательные значения ассоциируются в сознании носителей языка в п е р в у ю о ч е р е д ь с более длинными морфами из ряда синонимичных<sup>18</sup>. Таким образом, применению критерия «необходимости и достаточности» препятствуют в таких случаях особенности функционирования сопоставляемых морфемных сегментов.

О том, как далеко может завести применение указанного критерия, говорит и возможность следующего, явно некорректного, вывода: можно утверждать, что такие суффиксы, как -ость в словах типа *смелость, серость, бездарность* или -ец в словах типа *жизнелюбец, канатоходец* являются незначимыми отрезками, поскольку те же словообразовательные значения могут выражаться в системе языка и бессуффиксально (нулевыми суффиксами) при участии той же системы флексий мотивированного слова (ср. хотя бы *синь, тишь, бездарь* или *жизнелюб, скороход*).

5. Применение критерия «необходимости и достаточности» для разграничения морфемных и «внеморфемных» сегментов затруднено в тех случаях, когда в словах сочетаются сегменты, порознь способные выражать данное словообразовательное значение (или участвовать в его выражении), так что определить, какой именно из таких сегментов «избыточен», оказывается невозможным. Вот несколько примеров.

а) В отглагольных существительных со значением действия типа *делёжка, долбёжка, кормёжка* можно выделить по соотносительности со словами типа *подкормка, варка* суффикс -к(а) и интерфикс -ож-; однако сопоставление со словами типа *делёж, платёж, грабёж* заставляет отказаться от этого решения: оказывается, что суффикс -ож, как и суффикс -к(а), может самостоятельно выражать значение отвлеченного действия. Приходится признать, что весь комплекс -ожк(а) наделен данным значением, хотя каждый из составляющих его сегментов достаточен для выражения этого значения.

б) В прилагательных типа *банковский, стариковский, борцовский* можно выделить (как это часто и делается) суффикс -ск- и интерфикс -ов- (ср. *соседский, университетский* и т. п.). Но рядом с *банковский* есть в языке прилагательное *банковый*, рядом со *стариковский*, *борцовский* — *подростковый, малышовый, истцовый* и т. д. Иначе говоря, то же относительное значение может выражаться в отсубстантивных прилагательных суффиксом -ов-. Этот факт заставляет усомниться в том, что отрезок -ов- комплекса -овск- не участвует в выражении данного значения.

в) В словах типа *спокойствие, сумасшествие*, мотивированных прилагательными и выделяющих суффикс -ствиј(е), равным образом возможно вычленение интерфиксов -ств- и -иј-, ибо и сегмент -иј-, и сегмент -ств- способны выступать в качестве самостоятельных суффиксальных морфов в отадективных существительных со значением признака; ср., например: *величие, радушие и богатство, злорадство*.

г) В деепричастиях совершенного вида выделяются суффиксальные морфы -ши и -вши: ср. *испек-ши* и *взя-вши, укра-вши*; в последнем сегмент -в- можно рассматривать как интерфикс, использующийся в морфонологи-

<sup>18</sup> К подобным случаям относятся, по-видимому, еще и суффиксальные морфы причастий -вш- и -ш-, из которых явно преобладает в употреблении морф -вш-. М. В. Павлов, однако, считает -в- в таких причастиях интерфиксом.

ческой позиции после гласного <sup>19</sup>. Однако существуют и даже более употребительны формы типа *взяв, украв*, в которых именно сегмент *-в* служит для выражения деепричастного значения. Получается, что в комплексе *-вши* сегмент *-ши* не менее избыточен, чем *-в*.

д) Среди префиксально-суффиксальных глаголов встречаются такие, как, например: *сболтнуть, сплюснуть, провернуть* (дырку), *заснуть*. Соответствующие словообразовательные значения, выражаемые в данных глаголах префиксом и суффиксом *-ну-* (ср. мотивирующие глаголы *болтать, плющить, вертеть, спать*), могут выражаться и с помощью одного только префикса: ср. *сболтнуть* и *схитрить, сгрубить; сплюснуть* и *сплющить, провернуть* и *провертеть, заснуть* и *запеть* <sup>20</sup>. Однако из этого не следует, что *-ну-* в этих глаголах — не суффикс, а незначимая «прокладка». Он участвует в выражении совершенного вида, а в некоторых глаголах (*сболтнуть*) подчеркивает значение однократности, хотя значения эти могут выражаться и одними только префиксами.

е) Сопоставляя наречия типа *по-дружески, по-братски* с наречиями типа *дружески, братски*, нельзя не обратить внимания на синонимию подобных наречий, на тождество словообразовательного значения, выражаемого и одним суффиксом *-и*, и тем же суффиксом в сочетании с префиксом *по-*. Отсюда можно сделать вывод, что начальный сегмент *по-* в наречиях типа *по-дружески* незначим: соответствующее значение выражается уже суффиксом *-и*. Однако в языке имеются и наречия типа *по-походному, по-городскому*, где то же словообразовательное значение выражается комплексом *по...ому*, в котором уже ни один из составляющих сегментов не способен употребляться самостоятельно, так что надо признать, что сегмент *по-* участвует в выражении данного значения. При сопоставлении с такими наречиями можно даже предполагать, что в образованиях типа *по-дружески* данное значение («сравнительное») в какой-то степени усилено, акцентировано по сравнению с образованиями типа *дружески*.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют тот факт, что язык принципиально допускает выражение определенной семантики избыточными с формальной точки зрения средствами; несомненно, что избыточность эта — одно из проявлений асимметрии языкового знака (данное явление противоположно известным случаям семантического синкретизма морфем, в частности падежных флексий). Особая же показательность приведенных примеров состоит в том, что, несмотря на избыточность средств выражения, на достаточность для передачи определенного значения только части того комплекса сегментных средств, которые действительно участвуют в подобных случаях в выражении этого значения, — мы не можем признать какую-либо часть данного комплекса незначимой <sup>21</sup>.

Таким образом, из того, что некоторый сегмент с формальной точки зрения избыточен, еще не следует, что он «не служит для выражения значения» (ср. понимание морфемы, предлагаемое Е. А. Земской), не участвует в выражении словообразовательной или грамматической семантики, присущей данному образованию.

<sup>19</sup> Именно так рассматривает его М. В. Панов (см.: «Языки народов СССР», I, стр. 85).

<sup>20</sup> В данном случае несущественно, приводим ли мы в качестве примеров синонимичные однокоренные слова или тождественные по словообразовательной семантике образования от разных глаголов.

<sup>21</sup> Примером подобной избыточности средств выражения является и так называемая «вторичная суффиксация» существительных: ср. такие профессиональные обозначения лиц, как *герметизаторщик, дозаторщик* (при наличии синонимичных *герметизатор, дозатор*), а также разговорные и просторечные *спортсменщик, миллионерщик* и т. п. См.: В. С. Гимпелевич, указ. соч., стр. 128; Е. А. Земская, указ. соч., стр. 263—264. В. С. Гимпелевич считает в словах типа *герметизаторщик* «асемантемой» отрезок *-щик*, но равным образом можно считать и *-атор*.

III. В силу указанных соображений представляется наиболее целесообразным рассматривать сегменты словоформ, интерпретируемые в ряде работ как незначимые межморфемные «прокладки» — интерфиксы, в качестве частей морфов. Формальные видоизменения морфемы могут быть и суперсегментными (чередования), и сегментными; последние могут рассматриваться как усечение/наращение одного морфа в сравнении с другим.

При таком подходе к так называемым интерфиксам возникает проблема локализации морфемного шва, отнесения выделенного отрезка к левому или к правому от него морфу. Известно мнение Г. О. Винокура, что споры о том, членится ли слово *буржуазный* на *буржуа-зный* или *буржуа-з-ный*, беспредметны, что для понимания данного соотношения важна констатация формулы  $\sim a/ \sim aзн$ , а «остальное — дело удобства номенклатуры»<sup>22</sup>. Г. А. Климов также считает, что «морфологический анализ, по-видимому, не нуждается в однозначном соотношении фонем и их последовательностей с морфемными сегментами на синтагматической оси»<sup>23</sup>. Вместе с тем для практики анализа структуры слова небезразличны границы морфов, и хотя в сложных ситуациях в принципе возможны двойственные интерпретации, адекватно отражающие морфонологическую структуру слова, все же в большинстве случаев вопрос об отнесении «спорного» отрезка к «левым наращениям» суффикса или к «правым наращениям» корня может быть решен однозначно.

Решая этот вопрос, следует исходить из специфики корня как морфемы прежде всего индивидуальной, различающей слова, и аффикса как морфемы прежде всего обобщающей, вследствие чего аффиксация объединяет лишь регулярные, типизированные явления<sup>24</sup>. Поэтому при нерегулярных формальных соотношениях сопоставляемых основ (ср., например, *герань* — *гераниевый*, *иней* — *индеветь*, *алгебра* — *алгебраический*, *буржуа* — *буржуазный* и *буржуазия*) целесообразно относить «спорный» отрезок к корню. Аналогичная трактовка оправдана в случаях типа *схема* — *схематический*, *схематизм*; *драма* — *драматический*, *драматург*; *астма* — *астматический*, *астматик*; *экзема* — *экзематозный*. Здесь признание наращения корня за счет отрезка *-ат-(-ат'-)* представляется оптимальным решением, если учесть одинаковое поведение данных корней в структуре мотивированных слов независимо от соседнего суффикса, тем более, что в ряде случаев присоединяющиеся к таким корням суффиксальные морфы (*-ическ-*, *-озн-*) уже представляют собой продукт «левого наращения» более простого суффиксального морфа.

С «правым наращением» корня мы имеем дело и в случаях вариативности консонантизирующего субморфа глагольных (преимущественно односложных) корней на гласную; ср., например: *старожил*, *глиномьял*, *стеклодув*, *водолив*, *прутомят*, *шерстобит* (с корневыми морфемами на *-л*, *-в*, *-т*) в типе отглагольных существительных с нулевым суффиксом; *сладокопеец*, *рудознатец*, *новобранец* с корневыми морфемами на *-в*, *-т*, *-н* перед суффиксом *-ец* (для слов *пеец*, *сладокопеец* и т. п. такое решение оправдано и с учетом одинакового морфонологического поведения данного конкретного корня в сочетании с различными суффиксами: ср. *певун*, *певучий*, *певчий*), а также, по-видимому, в тех случаях, когда наращение глагольного

<sup>22</sup> Г. О. Винокур, указ. соч., стр. 432.

<sup>23</sup> Г. А. Климов, указ. соч., стр. 77. См. также: А. А. Леонтьев, Слово в речевой деятельности, М., 1965, стр. 153.

<sup>24</sup> См.: «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 34.

корня можно интерпретировать как использование инфинитивной флексии (*знать* — *знаток* и т. п.)<sup>25</sup>.

Напротив, отнесение «спорного» отрезка направо, к суффиксу, несомненно в следующих двух случаях:

1. «Спорный» отрезок, сочетаясь с последующим суффиксальным морфем, изменяет общее словообразовательное значение (устанавливаемое в рамках целого типа) мотивированных слов по сравнению с общим значением слов с тем же суффиксальным морфем, не имеющих этого отрезка. В таких случаях данный отрезок в сочетании с последующим суффиксальным морфем формирует особый словообразовательный суффикс. Таков, например, суффикс *-ианск-/-янск-*, имеющий в сочетании с основами собственных имен — названий лиц (*кантианский*, *гегельянский* и т. п.) значение отнесенности не к лицу, а к связанному с ним общественному или научному направлению; в то же время в прилагательных с суффиксальными морфемами *-ск-*, *-овск-* различие между значениями отношения к лицу и к направлению нейтрализовано (ср., например, *ленинский*, *толстовский*). Суффикс *-лец* выделяется в существительных с общим значением «лицо — производитель действия», в то время как отглагольные существительные с суффиксом *-ец* могут иметь не только личное и не только агентивное значение (ср. *кормилец*, *страдалец* и *борец*, *резец*, *рубец*); суффикс *-льщик* отглагольных существительных, в отличие от суффикса *-щик/-чик*, характерен только для названий лица (ср. *обжигальщик*, *носильщик* и *проверщик*, *счетчик*, *погрузчик*). Точно так же существительные с суффиксом *-лк(а)* имеют особое (агентивное) словообразовательное значение, более узкое, чем общее значение предметных отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)*, обозначающих различные отношения к действию, и иное, чем у *nomina actionis* с суффиксом *-к(а)*; ср., например, с одной стороны — *сеялка*, *сушилка*, а с другой — *задвижка*, *настойка*, *похлебка* и *варка*, *регулировка*. С точки зрения теории интерфиксации «спорные» отрезки в словах этой группы, в силу их семантической значимости, не могут рассматриваться как интерфиксы. Поэтому нам представляется ошибочным выделение в книге Е. А. Земской интерфикса *-иан-* в прилагательных типа *кантианский* (стр. 135) и интерфикса *-л-* в словах типа *кормилец* (стр. 123).

2. «Спорный» отрезок не изменяет словообразовательного значения суффикса, однако регулярно используется в сочетании с корнями (и шире — основами) определенных морфологических и семантических свойств. В этом случае данный отрезок, сочетаясь с суффиксальным морфем, формирует особый морф, объединяемый в соответствии с правилами отождествления морфем в один суффикс с более коротким, лишенным этого отрезка морфем. Таковы, например, суффиксальные морфемы *-ск-* и *-еск-*, *-овск-*, *-анск-*, *-ическ-* и др. (ср. *июльский*, *купеческий*, *вузовский*, *африканский*, *сценический* и т. п.)<sup>26</sup>; суффиксальные морфемы *-ниј-* и *-ениј-* в отглагольных существительных типа *наказание* и *спасение*; *-иц(е)* и *-лиц(е)* в существительных типа *зимовище* и *обиталище* и мн. др. Хотя «спорный» отрезок в некоторых отглагольных образованиях (см. выше) и может быть отнесен к корню, все же в образованиях типа *смыкать*, *разогреть*, *продувать*, *воспевать* он относится уже к суффиксальному морфем, ибо сегмент *-ва-* является регулярным, максимально унифицированным средством выражения значения непереходности в сочетании с односложным глагольным корнем на гласную.

<sup>25</sup> См.: Н. А. Я н и к о - Т р и н и ц к а я, Флексии базового слова в морфологически выводимой основе, сб. «Вопросы филологии (к 70-летию проф. И. А. Василенко)», М., 1969.

<sup>26</sup> Описание условий употребления разных морфем этого суффикса см. в «Грамматике» 1970, стр. 190 и сл.

IV. Существует мнение, согласно которому некоторые «спорные» сегменты нельзя объединять с соседним морфом на том основании, что они несут особую морфонологическую функцию. Так, А. В. Исаченко отделяет элемент *-л-* в отглагольных существительных и прилагательных с суффиксами *-лк(а)*, *-льн(ый)* и т. п. от соответствующих суффиксов и рассматривает его как морфологически самостоятельный элемент — распространитель глагольной основы, формирующий именную основу<sup>27</sup>. Такая постановка вопроса базируется на противопоставлении морфонологических и семантических функций сегментов слова. При этом не учитывается тот факт, что в структуре слова широко распространен с и н к р е т и з м о р ф е м н ы х ф у н к ц и й, когда один и тот же отрезок (морф или часть его) несет одновременно и семантическую функцию, будучи выразителем определенного значения или являясь частью комплекса, выражающего это значение, и чисто формальную, морфонологическую функцию.

В этой связи можно отметить, например, словообразовательные суффиксы типа *-и-* / Ø или *-е-/еј-* в отыменных глаголах (*белить*, *белеть* и т. п.), являющиеся в то же время приметами определенного словоизменительного класса, а также морфонологически обусловленными (вокализирующими в одной форме, консонантизирующими в другой) элементами глагольной основы. Такие суффиксы, как, например, *-н-* и *-т-* в страдательных причастиях, *-л-* в прилагательных типа *спелый*, несут не только определенное значение (грамматическое или словообразовательное), но и одновременно определенную формальную функцию, оформляя основы на согласную: предшествующая основа глагола имеет в этих случаях исход на гласную, к которому по чисто морфонологическим причинам не могут присоединяться падежные флексии адъективного склонения.

С этой точки зрения и такие элементы, как *-л-* (*-л'-*) в суффиксах *-лк(а)*, *-льн(ый)*, *-лец*, *-н'-/-т'-* в суффиксе существительных *-ниј-/тиј-*, *-в-* в глагольном суффиксе *-ва-* и т. п., являясь частью суффиксального морфа, в то же время служат и для морфонологического приспособления его к предшествующей глагольной основе на гласную (соответствующие морфы *-к(а)*, *-н(ый)*, *-ец*, *-иј-*, *-а-* к основе на гласную присоединяться не могут). Аналогичным образом гласные *-е-*, *-о-* в составе суффиксальных морфов *-ениј-*, *-ённ-* служат для морфонологического приспособления к основе на согласную.

Участвуя в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом, отдельные части морфов приобретают, таким образом, самостоятельную формальную (морфонологическую) значимость. Для обозначения таких морфонологически релевантных отрезков в работах последнего времени все чаще используется термин с у б м о р ф<sup>28</sup>. К субморфам относятся, с нашей точки зрения, и такие элементы, как *л, в, н, т* — части суффиксов отглагольных образований, и «вставные» основообразовательные элементы глагола вроде *-ј-* (*знать* — *знаю*, *белеть* — *белею*), *-в-* (*жить* — *живу*), и все те отрезки, не имеющие самостоятельной семантической функции, которые в работах сторонников теории интерфиксации охватываются

<sup>27</sup> См.: А. В. Исаченко, Morpheme classes, deep structure and the Russian inflectables, «International journal of slavic linguistics and poetics», XII, 1969, стр. 56—57; е г о ж е, Russian derivations in *-l-* and *-tel-*, там же, XVI, 1973, стр. 61—77. Эта точка зрения не может нас удовлетворить как не учитывающая смысловой стороны соответствующих образований.

<sup>28</sup> См., например: В. Г. Чурганова, О предмете и понятиях фономорфологии, ИАН ОЛЯ, 1967, 4, стр. 366—367; Е. А. Земская, указ. соч., стр. 81—82; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов, указ. соч., стр. 59.

понятием интерфиксов, и отсекаемые финали основ мотивирующих слов, не являющиеся словообразовательными суффиксами<sup>29</sup>.

V. Появлению в языке так называемых интерфиксов и иных разнообразных «распространителей» морфем способствуют, как нам представляется, не только морфонологические причины. В этом явлении получила отражение свойственная языку тенденция к б о л ь ш е й ф о р м а л ь н о й в ы р а з и т е л ь н о с т и значимых единиц. Более длинный морф как носитель определенного значения формально выразительнее, чем более короткий, особенно одно- или двуфонемный (ср., например, *-н-*, *-ск-*, *-иј-*, *-ј-*). Одно из наиболее распространенных проявлений этой тенденции — возникновение так называемых «вторичных (или производных) суффиксов», факт, отмеченный впервые в работах Н. В. Крушевского под названием «передней вариации суффиксов»<sup>30</sup>.

Указанной тенденцией объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в суффиксальных глаголах несовершенного вида в позиции после согласной возобладали не морф *-а-*, а более формально выразительный морф *-ива-*. Не случайно и то, что в современном русском языке среди корней, наиболее «охотно» сочетающихся с более длинными суффиксальными морфами (т. е. принимающих так называемые интерфиксы), заметное место занимают односложные корни, и характерно это не только для отглагольного словообразования (где различного рода «вставочные» элементы обусловлены в значительной степени гласным исходом корня), но и для отыменного. Так, морф *-овк(а)* вместо *-к(а)* выступает исключительно, а морф *-овск-* вместо *-ск-* в большинстве случаев (в прилагательных от основ нарицательных существительных) после односложных корней<sup>31</sup>: ср., например, *соседка, цыганка, перепелка и воровка, мотовка, плутовка, чертовка, клестовка; соседский, февральский и шутовской, дедовский, поповский, бунтовской, бесовский* и т. п.<sup>32</sup>. Кстати, по той же причине существительные с суффиксом *-ник*, мотивированные существительными с односложными основами, нередко образуются не непосредственно от основы существительного, а от основы соответствующего относительного прилагательного с суффиксом *-ов-*: ср., например, *фокусник, десантник, орешник и садовник, полковник, гербовник, маковник*. Не случайно и такой невыразительный суффикс, как *-иј-/ј-*, продуктивен в современном языке почти исключительно в префиксально-суффиксальных либо суффиксально-сложных образованиях (*Заволжье, соцветие, виноделие, Черноморье* и т. п.), где он «подкреплен» другими аффиксами, входящими в состав форманта.

Другая распространенная причина «левого расширения» некоторых суффиксов, начинающихся на согласную, за счет субморфов, начинающихся на гласную *о* или *а* (ср. еще *кустарник, пихтарник* и т. п.), — это тенденция к устранению стечений согласных и чередований заднеязычных с шипящими. Важную роль в распространении «вторичных» суффиксальных

<sup>29</sup> Е. С. Кубрякова называет подобные «субморфемные единицы», участвующие в формировании определенных основ и потому наделенные «опознавательной функцией», «маркерами» (см.: Е. С. Кубрякова, Основы морфологического анализа, М., 1974, стр. 165).

<sup>30</sup> См.: Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883, стр. 82.

<sup>31</sup> Е. А. Земская, отмечая эту тенденцию у прилагательных на *-овский*, интерпретирует ее как «устранение односложности предсуффиксальных отрезков» (см.: Е. А. Земская, Интерфиксация в современном русском словообразовании, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964, стр. 45—46).

<sup>32</sup> Это, однако, не означает, что суффиксальные морфы *-к(а)*, *-ск-* и т. п. вообще неспособны сочетаться с односложными корнями. Следует также оговорить, что указанная общая тенденция не является непреложным законом: так, суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-*, глагольный суффикс *-а-/ај-* развили «вторичные суффиксы», а глагольный суффикс *-и-/ѳ* не развил их.

морфов, в усилении их продуктивности, несомненно, играет та современная языковая тенденция к агглютинативности на морфемных швах, к уменьшению места суперсегментных средств сцепления морфем по сравнению с сегментными, которая отмечена авторами монографии «Русский язык и советское общество». Эта тенденция тоже способствует большей формальной выразительности словообразовательной структуры слова: у «производных с интерфиксом», как пишет Е. А. Земская, «соотносительность между производящей и производной основами выступает более наглядно, а это очень важно для четкости понимания производного слова» (стр. 119). Существо этого процесса не меняется, если интерпретировать его, в отличие от авторов указанной монографии, не как рост интерфиксации, а как рост употребительности «вторичных» суффиксальных морфов.

И тем не менее далеко не всегда использование «вторичных» суффиксальных морфов обусловлено в живых словообразовательных явлениях тенденцией к снятию чередований или другими формальными причинами. Ср. хотя бы окказиональное прилагательное *невпопадочный* («улыбнется над чьим-нибудь „невпопадочным“ ответом...» — К. пр. 14 VI 67). Создатель этого слова использовал вместо суффиксального морфа *-н-* более длинный морф *-очн-*, хотя морф этот (ср. *ленточный*, *откормочный*, *раздаточный* и др.) в современном языке не очень продуктивен и вряд ли существуют какие-либо формальные помехи для образования прилагательного *невпопадный*.

VI. Е. А. Земская и другие сторонники теории асемантических «прокладок» (М. В. Панов, А. Н. Тихонов и др.) относят к таким прокладкам также соединительные элементы сложных слов. На наш взгляд, с этими элементами структуры слова (*-о-* в *лесостепь*, *пароход*, *-и-* в *пятиконечный*, *-ох-* в *четыреэтажный* и т. п.) дело обстоит совершенно иначе, не так, как с другими «интерфиксами». Это и н т е р ф и к с ы в совсем ином понимании данного термина — особая разновидность аффиксов. Не случайно сам термин «интерфикс» создан прежде всего для обозначения соединительных морфем сложных слов. Входящий своей структурой в ряд терминов, обозначающих виды аффиксов по их положению в слове, термин этот обозначает аффикс, находящийся между корнями, «служащий для связи корней в сложных словах»<sup>33</sup>. Точнее говоря, интерфикс связывает не корни, а простые основы в составе сложной основы (ср., например, слова *лесозаготовки*, *землепроходец*, где интерфикс непосредственно соединяет корень и префикс).

Такой интерфикс — не асемантическая «прокладка» и не часть морфемы, а особая морфема, значимая часть слова. Однако семантика этой морфемы абстрактна и сводится, как уже отмечалось, к «идее соединения»<sup>34</sup> составляющих сложную основу простых слов. Соединительное значение является тем специфическим словообразовательным значением, которое характерно для сложных слов и которое в чистых сложениях и сращениях представляет собой единственное словообразовательное значение, а в суффиксально-сложных образованиях сочетается с категориальной семантикой суффикса. Носителем этого значения и является специфическая морфема — интерфикс.

Интерфиксы в таком понимании представляют собой наиболее абстрактные по семантике аффиксы. В отличие от других аффиксов основы, надежных, как правило, референционными (отражающими так или иначе

<sup>33</sup> А. А. Реформатский, Введение в языковедение, 4-е изд., М., 1967, стр. 266. См. также: И. А. Мельчук, О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках, ВЯ, 1963, 4, стр. 34; «Грамматика» 1970, стр. 31.

<sup>34</sup> См., например: Н. М. Шапский, Очерки по русскому словообразованию и лексикологии, М., 1959, стр. 108—109; «Грамматика» 1970, стр. 42.

внеязыковую действительность) значениями, интерфиксы наделены синтаксическим значением, указывают на связь основ в структуре цельно-оформленного сложного слова<sup>35</sup>. С этой точки зрения их можно уподобить служебным словам (союзам, предлогам), в то время как прочие словообразовательные аффиксы — словам самостоятельным. И если мы усматриваем значение, например, у союзов, считая их *с л о в а м и*, то на аналогичных основаниях следует считать интерфиксы сложных слов *м о р ф е м а м и*. Сложное слово — это *с и н т а г м а* особого рода, и при этом синтагма, состоящая из лексически значимых компонентов — основ. Как всякая синтагма, оно обладает грамматическими средствами выражения связи своих компонентов. Правда, в структуре сложного слова формальные средства связи компонентов более обобщены, унифицированы по сравнению со словосочетаниями и предложениями. Если в синтаксисе словосочетания и предложения существуют разнообразные средства выражения, связанные с различными типами соединения слов (координация подлежащего со сказуемым, сочинительная связь однородных членов, подчинительная связь согласования, управления или примыкания в словосочетаниях и т. д.), то в синтаксисе сложного слова эти средства нейтрализуются.

Известно, что сложные слова, как правило, соотносительны с определенными словосочетаниями (иногда предложениями), на базе которых они построены. При этом в структуре сложного слова нейтрализованы те синтаксические различия, которые характерны для соотносительных словосочетаний и предложений. Одинаково оформляются сложения, соотносительные с сочинительными и подчинительными сочетаниями слов (ср., например, *урало-сибирский* — *Урал и Сибирь* и *западносибирский* — *Западная Сибирь*), с подчинительными словосочетаниями различной структуры и субъектно-предикативными конструкциями (ср.: *снегоходный* — *ходить по снегу*, *теплоходный* — *ходить с помощью тепла*, *пешеходный* — *ходить пешком*, *судоходный* — *ходят суда*, *самоходный* — *ходит сам*; *водопад* — *падает вода*, *водопой* — *пить воду* и т. д.). Каковы бы ни были синтаксические отношения в соотносительном словосочетании и предложении, в структуре сложного слова эти отношения передаются интерфиксом, связывающим опорный компонент с предшествующей основой.

Н. М. Шанский уподобляет по значению соединительные аффиксы соединительным союзам<sup>36</sup>. Это справедливо, например, для слов типа *лесостепь* (ср. *лес* и *степь*); в слове же, например, *луноход* (ср. *ходить по Луне*) соединительный аффикс можно уподобить предлогу, в слове *книголюб* (ср. *любить книгу*, *книги*) — падежной флексии и т. д. Вообще интерфикс выступает на уровне сложного слова в роли единого аналога разнообразных грамматических средств, существующих на уровне словосочетания и предложения. Таким образом, в структуре сложного слова мы имеем дело с особым обобщенным типом синтаксической связи лексических компонентов.

Рассматривая чистое сложение и сращение, Е. А. Земская возражает автору этих строк, писавшему, что словообразовательное значение таких слов сводится к объединению лексических значений составляющих основ; в этой связи на стр. 179 книги Е. А. Земской подчеркивается, что производное при указанных способах обычно «не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное, ... иногда некоторый элемент терминологизации значения»: слово *долгоиграющий* применяется только к пластинке и т. п. Однако дело в том, что это своеобразие подобных

<sup>35</sup> См. также: З. О л и в е р и у с, Роль структурного параллелизма при идентификации морфем и определении их типов, «Československá rusistika», 1968, 2, стр. 77.

<sup>36</sup> См.: Н. М. Ш а н с к и й, указ. соч., стр. 109.

производных слов принадлежит к лексическим «надбавкам», а отнюдь не к их общему словообразовательному значению; на словообразовательном же уровне речь идет именно об объединении значений основ.

Если связь компонентов сложного слова выражается особой синтаксической морфемой — интерфиксом, то для слов-сращений (*долгоиграющий, тяжелобольной, впередсмотрящий, умалишенный* и т. п.) характерен иной способ выражения этой связи: синтаксическая связь компонентов соответствующего словосочетания (связь управления, примыкания) транспонируется в таких образованиях на уровень слова.

Добавим, что интерфикс — явно преобладающее в словообразовательной системе русского языка средство выражения связи компонентов сложного слова. Это дает основание рассматривать сложные слова, не имеющие в своем составе материально выраженного интерфикса и лишенные каких-либо иных специфических формальных средств выражения связи компонентов (*Ленинград, пресс-форма* и т. п.) как слова с нулевым интерфиксом<sup>37</sup>. С этой точки зрения интерфиксы сложных слов тоже существенно отличаются от «интерфиксов-прокладок» между корнем и аффиксом, которые отнюдь не обладают такой же степенью значимости, не являются преобладающими в структуре аффиксального слова.

<sup>37</sup> См.: «Грамматика» 1970, стр. 42, 173. Ср. принципы выделения нулевого словообразовательного аффикса, изложенные в ст.: В. В. Л о п а т и н, Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, ВЯ, 1966, 1, стр. 78—79.